Latvijas Republikas Satversmes tiesa

Перевод с латышского языка

РЕШЕНИЕ

Именем Латвийской Республики

Рига, 15 февраля 2005 года

Дело Nr. 2004–19–01

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Айварс Эндзиньш, судьи Романс Апситис, Айя Бранта, Илма Чепане, Юрис Елагинс, Гунарс Кутрис и Андрейс Лепсе,

по конституционной жалобе Юриса Азерса,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункта 1 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17 и статьи 28.[1],

в письменном процессе 18 января 2005 года на судебном заседании рассмотрел дело

„О соответствии статьям 1 и 92 Конституции Латвийской Республики части третьей статьи 21 Гражданского процессуального закона".

Констатирующая часть

1. Часть третья статьи 21 Гражданского процессуального закона (далее – оспариваемая норма) определяет: "В деле, которое судья рассматривает единолично, заявленный отвод разрешает сам судья."

Согласно части четвертой статьи 19 Гражданского процессуального закона участник дела может заявить судье отвод, если судья сам себя не отстранил, хотя бы для этого была причина. Обязанность отстранения установлена в частях второй и третьей данной статьи, в свою очередь, в части первой перечислены случаи, при которых судье надлежит самоотстраниться: согласно пунктам 1, 2 и 3 это надлежит сделать, если существуют конкретные и не связанные с индивидульным отношением судьи обстоятельства, а согласно пункту 4 – если судья „лично прямо или косвенно заинтересован в исходе дела или имеются иные обстоятельства, вызывающие обоснованные сомнения в его обьективности".

2. Податель конституционной жалобы – Юрис Азерс (далее – Заявитель) – просит признать оспариваемую норму не соответствующей статье 1 и первому предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция). Заявительпросит признать оспариваемую норму не имеющей силу со 2 июня 2004 года.

Заявитель является ответчиком в гражданском деле, которое судья Лимбажского районного суда рассмотрел единолично. В ходе рассмотрения дела у Заявителя возникли сомнения в обьективности судьи, поэтому 2 июня 2004 года он заявил ей отвод. Применяя оспариваемую норму, судья постановила не принять заявленный ей отвод.

2.1. Заявитель считает, что таким образом было нарушено установленное статьей 92 Конституции право на справедливый суд. Из содержания конституционной жалобы косвенно вытекает, что, по мнению Заявителя, право заявить отвод входит в обьем охраняемого статьей 92 Конституции права. Однако механизм реализации этого права – а именно, оспариваемая норма – делает его неэффективной: „Сомнительно, может ли психологически судья, который даже не коррумпирован, но только по какой-либо причине испытывающий личную неприязнь к какой-то стороне, открыто формальным решением признать свою необьективность, отстранив себя."

Предусмотрев возможные возражения против высказанного в конституционной жалобе мнения, Заявитель заранее отклоняет аргумент, что возможность обжаловать решение является досточно хорошим средством для

исправления допущенных в процессе недостатков. Во-первых, обжалование возможно только после постановления решения первой инстанции, поэтому кто-то из участников дела, возможно – и по причине необьективности судьи, уже считается стороной, проигравшей дело. Во-вторых, из данного аргумента следует вывод, что „в суде первой инстанции соблюдение принципа справедливости необязательно, поскольку ошибки суда первой инстанции [...], возможно, сможет исправить вышестоящая инстанция". Заявитель указывает, что статья 92 Конституции гаранитрует право на справедливый суд во всех инстанциях, а, значит, и в первой инстанции. В-третьих, по причине отсутствия средств лицо, может быть, будет не в состоянии обратиться в суд апелляционной инстанции, чтобы исправить допущенное судом первой инстанции нарушение.

2.2. Поясняя, как оспариваемая норма затрагивает вытекающие из статьи 1 Конституции права, Заявитель лаконичен: „Статья 92 тесно перекликается с закрепленным стаьей 1 принципом демократии и вытекающего из него всеобщего принципа справедливости."

3. Институция, издавшая оспариваемый акт, – Саэйма – в ответном письме не согласен, что она ограничивает основные права Заявителя и просит признать заявление необоснованным и отклонить его.

Саэйма считает, что наличие упомянутых в части первой, а также в пункте 4 статьи 19 Гражданского процессуального закона обстоятельств судьям надлежит оценивать обьективно. Саэйма указывает, что „должность судьи, необходимая для ее занятия квалификация и гарантированная независимость обеспечивает то, что судья может обьективно оценить, существуют ли в действительности какие-то обстоятельства, вызывающие или могущие вызвать сомнения в его обьективности".

В ответном письме также указывается, что в том случае, „если из-за возможной необьективности судьи произошло принятие неправильного решения", его можно обжаловать.

По мнению Саэйма, рассмотрение отвода нельзя доверить другому судье. Во-первых, другому судье потребуется время, чтобы оценить заявленный отвод, и таким образом задержится рассмотрение дела. Во-вторых, другому судье будет очень трудно или даже невозможно констатировать необьективность к какому-то из

участников дела только на основании утверждений данного участника. В-третьих, Саэйма считает, что такое решение не допускает принцип независимости суда, поскольку „если другой судья, рассмаривая отвод, начнет рассматривать дело, оценивать обстоятельства дела и доказательства и принимать решения по ним, то это будет решение не первого судьи, а решение другого судьи.” Точно также Саэйма делает вывод, что в таком случае будет нарушен и принцип непрерывности суда.

4. Высказать мнения по рассматриваемому делу Конституционный суд просил председателя Верховного суда Андриса Гулянса, Государственное бюро по правам человека (далее – БПЧ), лектора Юридического факультета Латвийского Университета Дайну Осе, президента Латвийского общества судей Иварса Бичковича, а также профессора Факультета педагогики и психологии Латвийского Университета *PhD* Сандру Себре и ассоциированного профессора *Dr. psych.* Виестурса Реньге.

4.1. По мнению председателя Верховного суда, факты, которые могут вызвать обоснованные сомнения в обьективности судьи, обьективно констатируются, поэтому судья, „которому закон дал право и доверил обязанность разрешить гражданско-правовые, чаще всего очень сложные споры”, может применить в отношении себя пункт 4 статьи 19 Гражданского процессуального закона. Никто, за исключением самого судьи, не может лучше знать, обоснованн ли отвод. Его должностной статус и квалификационные требования позволяют особо довериться возможности правильно решить вопрос о заявленном к себе отводе. В то же время свою обьективность судья может оценить равно хорошо независимо от того, сделано ли это по собственной инициативе или при разрешении отвода. А.Гулянс добавляет, что нет смысла спорить о заинтересованности судьи, не зная, какое решение провозглашено, и „в связи с этим только возможность подать апелляционную жалобу на решение судьи защищает участников дела от необоснованного отказа принять отвод”.

4.2. И.Бичкович указывает, что „из должностного статуса и квалификационных требованнй [...] вытекает возможность довериться опыту и возможности судьи констатировать указанные в части первой статьи 19 Гражданского процессуального закона обстоятельства и действовать в соответствии с требованиями закона”. В то же время такая возможность не зависит от того,

оценивает ли судья допустимость участвовать в рассмотрении дела по собственной инициативе или после заявления отвода.

И.Бичкович считает, что возможность подать апелляционную жалобу достаточно охраняет участников дела от последствий непринятия необоснованного отвода. Решение о непринятии отвода должно быть обжаловано отдельно, чтобы это позволило участникам дела затянуть судебный процесс.

4.3. БПЧ согласен с выказанными в ответном письме Саэйма аргументами, что из должностного статуса и квалификационных требованнй следует возможность особо довериться опыту судьи применить к себе часть вторую статьи 19 Гражданского процессуального закона, а также после заявления отвода – пункт 4 части первой статьи 19. БПЧ косвенно указывает, что возможность подать апелляционную жалобу достаточно защищает участников дела от необоснованного отказа принять отвод.

4.4. Д.Осе считает, что к судьям при оценке наличия перечисленных в пункте 4 части первой статьи 19 Гражданского процессуального закона допустимо „влияние субьективного фактора”, поскольку это предусматривает часть первая статьи 97 Гражданского процессуального закона, согласно которой суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Влияет ли заявление отвода на обьективность судьи, является вопросом психологическогг свойства и ответ на него зависит от личности судьи.

Тем не менее Д.Осе признает, что в Гражданском процессуальном законе отсутствует последовательная позиция в отношении разрешения отвода. Оспариваемая норма принуждает судью самому решить вопрос о заявленном ему отводе, однако же в пункте 1 части четвертой статьи 21 указано, что в деле, которое рассматривается коллегиально, отвод, заявленный одному из судей, разрешает прочий состав суда.

В то же время Д.Осе напоминает, что и в гражданском процессе соседних стран судьи заявленный им отвод разрешают единолично. Из этого можно сделать вывод, что предьявляемые к должности судьи квалификационные требования достаточны, чтобы судья мог бы обьективно применить пункт 4 части первой статьи 19 Гражданского процессуального закона.

Возможность возразить против необоснованного отказа принять отвод, подав апеллялцинную жалобу, гарантирует скорое рассмотрение дела и наилучшим образом совместима с принципом процессуальной экономии, поскольку такой порядок позволяет участникам дела заранее убедиться в обьективности судьи в ходе рассмотрения дела.

4.5. *PhD* С.Себре и *Dr. psych.* В.Реньге, к мнению которых присоединяется также ассоциированный профессор Иварс Аустерс, указывают, что результаты исследований подтверждают склонность людей переоценивать то, в насколько большей мере им самим присущи культурологически-позитивно оцененные особенности. В случае профессиональной роли судьи социально желательным является умение точно оценить свою заинтересованность в исходе какого-то дела и констатировать обстоятельства, вызывающие сомнения в обьективности. Поэтому авторы письма считают, что „судьям присуще тенденция не оценивать полностью степень возможной заинтересованности. Такая тенденция не является осознанно целенаправленной".

В ответе Конституционному суду также выражено мнение, что в случае заявления отвода данная тенденция усиливается. После заявления отвода судья мотивируется к поиску, воспоминаниям и принятию ко вниманию той информации, которая говорит в пользу профессиональной компетенции и стандартов. Из всей возможной информации и фактов особое внимание уделяется именно той, которая лучше отвечает цели оценки – доказать свою незаинтересованность.

5. Заявитель, после подготовки дела ознакомившийся с его материалами, подверг сомнению аргумент о необоснованном отказе принять отвод как основание апелляции, поскольку и в этой инстанции дело слушается по существу. Таким образом, не имеют практического значения выраженные в апелляционной жалобе возражения по поводу необьективности суда первой инстанции.

Заявитель также утверждает, что принцип прроцессуальной экономии подчинен принципу справедливого суда и экономия времени не является легитимной целью ограничения прав человека. В то же время, чтобы по возможности правильно оценить значение данного принципа, надлежит проанализировать статистику о

заявленных отводах, об их разрешении и дальнейшем судопроизводстве по соответствующим делам.

Заявитель не согласен с мнением, что предьявляемые к должности судьи требования обеспечивают ему возможность адекватно применить в отношении себя пункт 4 части первой статьи 19 Гражданского процессуального закона. Заявитель считает: „То, что закон кое-что определил, еще не означает, что и в жизни так есть.” По его мнению, формулируя иначе, данный аргумент звучал бы так: „Судья может установить свою обьективность, поскольку закон определяет, что ему надо быть гражданином Латвии, высококвалифицированным, честным и независимым.”

Часть выводов

6. Из норм Гражданского процессуального закона об отстранении или отводе судьи вытекает, что целью данного правового института является обеспечить обьективность суда.

6.1. Первое предложение статьи 92 Конституции определяет, что „каждый может защищать свои права и законные интересы в справедливом суде”. Понятие справедливого суда является неполным без гарантии обьективности суда, поэтому Конституционный суд уже многокртано признавал это одним из элементов статьи 92 (*см., напр., пункт 2 части выводов решения от 5 марта 2002 года по делу Nr. 2001–10–01, пункт 2 части выводов решения от 20 июня 2002 года по делу Nr. 2001–17–0106 и пункт 5 части выводов решения от 6 октября 2003 года по делу Nr. 2003–08–01*).

6.2. В то же время в соответствии со статьей 89 Конституции „государство признает и охраняет основные права человека согласно настоящей Конституции, законам и обязательным для Латвии международным договорам”. Из этой статьи видно, что целью законодателя было достичь взаимной гармонии между содержащимися в Конституции и международными нормами по правам человека (*см., напр., пункт 1 части выводов решения от 27 июня 2003 года по делу Nr. 2003–04–01 и пункт 7.1. решения от 17 января 2005 года по делу Nr. 2004–10–01 7.1. punktu*). Поэтому содержание норм Конституции по правам человека подлежит

разьяснению во взаимной связи со сказанным в международных документах по правам человека.

Статья 6 Европейской конвенции по правам человека и защите основных свобод (далее – Конвенция) определяет: „Каждый имеет право при определении обоснованности гражданских прав и обязанностей […] на справедливое и открытое, своевременное рассмотрение дела в независимом и обьективном, законом установленном суде.” В свою очередь, статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что “каждый имеет право, если […] устанавливаются его права и обязанности в каком-то гражданском процессе, на то, чтобы дело справедливо и публично рассмотрел компетентный, независимый и обьективный суд, созданный согласно закону”. Во Всеобщей декларации по правам человека право на обьективный суд упоминается в статье 10.

6.3. Поэтому нет сомнений, что гарантированное статьей 92 Конституции право на справедливый суд содержит право на обьективность суда.

7. Заявитель считает, что оспариваемая норма затрагивает право на обьективный суд, в свою очередь, как Саэйма, так и лица, которые высказали мнения по делу, утверждают, что данное право защищает возможность подать апелляционную жалобу. И Конститционный суд считает, что это существенный аргумент, который надлежит принять во нвимание при оценке соответствия оспариваемой нормы статье 92 Конституции. В отличие от прочих высказанных по делу аргументов это связано с принципиально важной позицией гражданского процесса – в данном случае ею является процессуальная экономия. В ответном письме Саэйма не указано, свидетельствует ли возможность подать апелляционую жалобу, что основные права Заявителя не ограничены, и считается ли это оправданием ограничения. Поэтому данный аргумент надлежит оценить, выясняя, имеет ли место упомянутая в части первой статьи $19.^2$ закона О Конституционном суде предпосылка подачи конституционной жалобы, а именно, нарушение установленного Конституцией основного права. Только в случае, если такое нарушение имеет место, подлежит оценке его оправдательность.

7.1. Оспариваемая норма определяет процедуру, в которой по инициативе участника дела проверяется, не имеет ли место какая-то из причин, препятствующая судье участвовать в разрешении дела. Процессуальную существенность данной нормы признает и Заявитель, указывая в конституционой жалобе, что это предусматривает „порядок реализации" части четвертой статьи 19 Гражданского процессуального закона. Данный порядок реализации надлежало бы оценивать только в том случае, если институт отвода был бы обязательным требованием, вытекающим из статьи 92 Конституции.

7.2. Институт отвода существует и в других государствах. Это одно из средств обеспечения обьективности суда. При ознакомлении с регулирующими гражданский процесс нормативными актами многих государств видно, что любое из них, во-первых, определяет обязанность отстранения судьи от рассмотрения дела, если возможны обоснованные сомнения в его обьективности, и, во-вторых, участникам дела предоставлено право заявлять отводы. В свою очередь, процедуры разрешения отвода бывают разные. Например, во Франции, Канаде и Германии закон не позволяет судье самому разрешать заявленные ему отводы. Обычно это рассматривает вышестоящее должностное лицо суда или вышестоящая судебная инстанция, решения которых не обжалуются. Иное решение выдвинуто, например, в Болгарии, Эстонии, Финляндии и Швеции: в случае, когда судья рассматривает дело единолично, разрешение отвода в его ведении. В Швеции решение о непринятии отвода возможно обжаловать. Значит, один и тот же институт регулируется по-разному.

7.3. Сравнение этих разных юрисдикций позволяет сделать вывод, что институт отвода подчинен обязанности судьи отстраниться от рассмотрения дела, в то же время понятие данного института не связано логически с каким-то конкретным порядком его осуществления. Обьективность суда возможно обеспечить по-разному. Более того: это возможно сделать и не применяя институт отвода. Саэйма и заслушанные во время подготовки дела лица обоснованно указывают, что даже непринятие отвода уже может быть основанием аппляции и, таким образом, охраняется право лица на обьективынй суд. Данный аргумент обосновывается принципипально существенным соображением: установленный оспариваемой нормой порядок разрешения отвода служит процессуальной экономии.

Саэйма и заслушанные во время подготовки дела лица высказали опасения, что в случае, если был бы допущен порядок обжалования решения о непринятии отвода в виде частной жалобы, увеличилась бы загруженность суда. Эти опасения обоснованны. И в пункте „d" статьи 3 рекомендаций Комитета Министров Совета Европы от 7 февраля 1995 года о введении системы и процедуры апелляции и улучшении деятельности по гражданским и коммерческим делам государства призываются взвесить возможность „отложить право на обжалование отдельных промежуточных постановлений до апелляции по существу" [*Recommendation Rec(1995)5 on introduction and improvement of the functioning of appeal systems and procedures in civil and commercial cases, http://cm.coe.int/ta/rec/1995/95r5.htm*]. Обжалование постановления в виде частной жалобы не является единственно возможным регулированием, однако и при осуществлении каждого другого решения было бы необходимо использование больших судебных ресурсов, чем этого требует нынешний порядок.

Д.Осе считает, что провозглашенная законодателем модель регулирования института отвода не совсем совместима с мнением о невозможности доверить разрешение отвода другому судье. Она указывает, что в вопросе о разрешении отвода Гражданский процессуальный закон не полностью последователен, поскольку пункт 1 части четвертой статьи 21 определяет: если в деле, которое рассматривается колегиально, заявлен отвод одному судье, его разрешает прочий состав суда, а пункт 2 определяет: если отвод заявлен нескольким судьям, его разрешает тот же самый суд в полном составе. В апелляционном судопроизводстве то, необходимо ли судье отстранить себя или принять отвод, оценивает другой состав суда. Конституционный же суд признает, что противоречия, с которыми в данном случае начинают сталкиваться, являются чаще кажущимися, чем реальными. Задачей суда апелляционной инстанции при оценке законности состава суда первой инстанции в связи со статьей 19 Гражданского процессуального закона является совсем иное, чем разрешить отвод, поскольку доступным является постановленный первой инстанцией решение, которое значительно помогает проследить ход мыслей судьи и констатировать возможную необьективность. В свою очередь, когда заявленный одному судье отвод разрешает прочий состав суда или также суд в полном составе выносит решение о заявленных нескольким судьям или всему составу суда отводах, необходимо учитывать, что данные постановления в любом

случае независимо от количества судей принимает суд. В этом смысле регулирование не отличается от предусмотренного оспариваемой нормой порядка.

7.4. Заявитель утверждает, что принцип процессуальной экономии „подчинен принципу справедливости". Однако, как уже Конституционный суд указывал ранее, процессуальная экономия является одним из образующих содержание статьи 92 Конституции элементов (*см., напр., пункт 5 части выводов решения от 5 марта 2002 года по делу Nr. 2001–10–01 и пункт 14 решения от 11 октября 2004 года по делу Nr. 2004–06–01*), поэтому предложенная Заявителем противная позиция является ошибочной. Судя по контексту, в каком данное утверждение высказано, следует сделать вывод, что оно скорее указывает на коллизию между принципом процессуальной экономии и принципом обьективности суда. Тем не менее и этом случае мнение Заявителя о взаимной иерархии этих принципов является необоснованным. Если принцип обьективности в каждом случае признавать выше принципа процессуальной экономии, придется сделать вывод, что любое повышение гарантий обьективности оправдывает любое понижение процессуальной экономии, хотя насколько первый будет ничтожным и насколько важным – второй. Поэтому правовой наукой признается, что при возникновении коллизии между принципами права, их надлежит оценивать с учетом конкретной ситуации и обстоятельств (*см., напр.: Д.Ильянова. Нормы права и коллизия принципов, Закон и Право, 2000, том 2, Nr. 8 (12), стр. 251; Alexy, R. A Theory of Constitutional Rights, Oxford University Press, 2002, pp. 96 – 100*). Даже принимая, что отличное от оспариваемой нормы регулирование разрешения отвода способствовало бы соблюдению принципа обьективности суда, придется признать, что приобретение не может вступать в несоразмерное противоречие с интересами процессуальной экономии.

7.5. После ознакомления с материалами дела Заявитель указывает, что при оценке оспариваемой нормы Конституционному суду надлежало бы принять во внимание статистику о заявленных в судах Латвии отводах, их удовлетворении, неудовлетворении и дальнейшем движении соответствующего дела в обжалуемой инстанции. Конституционный же суд считает, что нет возможности предусмотреть, как отправляется „среднестатистическое" судопроизводство, если заявленные

судьям, рассматривающим дела единолично, отводы решались бы в ином порядке. Поэтому сведения о наличествующей ситуации нельзя сравнить даже с прогнозами.

В связи с этим не имеется причины сомневаться в избрании законодателем именно данного порядка рассмотрения отводов.

И в практике Конституционного суда Германии признается, что при отсутствии знаний о правильности возможной модели поведения и „при выборе между несколькими потенциально применимыми средствами для достижения легитимной цели у законодателя имеется привилегия в оценке и решении" [*BVerfGE 90, 145 (182)*]. В определении регулирования гражданского процесса у законодателя имеется широкая свобода действий, если только обеспечивается защита основных прав (для сравн.*: пункт 9.1. решения от 17 января 2005 года по делу Nr. 2004–10–01*). Конституционный суд не исключает, что возможен и иной порядок разрешения отводов, однако согласно части первой статьи 19.^{2} закона О Конституционном суде его задачей в данном случае является оценка соответствия оспариваемой нормы установленным Конституцией основным правам, а не замена свободы действий законодателя своим мнением о рациональном решении.

8. Оценивая, защищаются ли в рамках ныне существующего порядка права лица на справедливый суд, Конституционный суд ссылается на ранее высказанную гармонию в понимании норм Латвии и международного права по правам человека (см. пункт 6.2. настоящего решения) и указывает, что и практика применения данных норм используема для разьяснения содержания установленных Конституцией основных прав. Поэтому имеется возможность принять во внимание, что согласно практике Европейского Суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) допущенные судом первой инстанции дефекты могут быть исправлены апелляционной инстанцией (*см.: Adolf v. Austria [1982] ECHR 2, paras. 38 – 41 un Edwards v. the United Kingdom [1992] ECHR 77, para. 39; sal.: De Cubber v. Belgium [1984] ECHR 14, para. 33*). Вопрос о нарушении права на справедливый суд „надлежит оценивать в совокупности всего процесса, включая постановления апелляционной инстанции" и учитывая его роль в судопроизводстве (*Edwards v. the United Kingdom, para. 34; sk. arī, piem.: Helmers v. Sweden [1991] ECHR 44, para. 31, Ekbatani v. Sweden [1988] ECHR 6, para. 27*). Согласно Гражданскому

процессуальному закону апелляционная инстанция рассматривает дело по существу, поэтому она может исправить любую допущенную судом первой инстанции ошибку.

Конституционный суд не согласен с утверждением Заявителя, что в таком случае „суду первой инстанции соблюдать принцип справедливого суда необязательно". Гражданский процессуальный закон определяет обязанность судьи отстраниться от рассмотрения дела, если имеет место какое-то из упомянутых в части первой статьи 19 обстоятельств. Следует согласиться, что одной из гарантий добросовестного исполнения данной обязанности являются также высокие требования, предьявляемые лицам, которые назначены и утверждены на должность судьи. Заявитель имеет вытекающее из статьи 92 Конституции право на защиту от последствий неисполнения данной обязанности, однако, так как существует много средств для обеспечения обьективности суда, он не имеет права требовать какого-то конкретного механизма защиты. В данном случае законодатель имеет свободу действий в выборе какого-то из применяемых средств. (*см.: Alexy, pp. 308 – 389*). Статья 92 Конституции защищала бы субьективное право Заявителя на наличие института отвода в том случае, если бы он был единственным средством обеспечения обьективности суда. Значит, Конституция не требует сосуществования нескольких паралелльных инструментов защиты права на обьективный суд. Процессуальное право не является самоцелью; ему надлежит только обеспечить достижение справедливого результата (*см.: Galligan, D. J. Due Process and Fair Procedures: A Study of Administrative Procedures, Clarendon Press, 1997, p. 415*). Несомненно, процессуальному праву присуще своя самостоятельная ценность, однако данное заключение только дополняет ранее высказанное, а именно то, что все стадии судопроизводства подлежат совокупному толкованию.

9. Заявитель обоснованно указывает, что введение частной жалобы не является единственной формой, в какой возможно изменить существующее регулирование. Правильным кажется и его мнение, что в некоторых случаях оспариваемая норма является неэффективным механизмом реализации института отвода, поскольку, как признают *PhD* С.Себре, *Dr.* psych. В.Реньге и *PhD* И.Аустерс, судьям может быть присуще тенденция – хотя и неосознанная и нецеленаправленная – не оценивать полностью степень возможной заинтересованности. Тем не менее упомянутые эксперты-психологи указывают, что

после заявления отвода судья мотивируется к поиску, воспоминаниям и принятию ко вниманию той информации, которая говорит в пользу профессиональной компетенции и стандартов – к ним принадлежит возможность обьективно оценить свою наличествующую или кажущуюся заинтересованность в исходе рассматриваемого дела, поэтому такую особеность одновременно надлежит считать той, которая еще больше заставляет судью осознать возможные причины принятия отвода.

Можно согласиться с мнением Заявителя, что исправление процессуальных дефектов в суде апелляционной инстанции имеет низкое образовательное и воспитательное значение в отношении судебной системы и общества в целом (*см. также, напр.: Galligan, pp. 416 – 417*). Однако каждое из данных примечаний характеризует мнения Заявителя о рациональном регулировании гражданского процесса, но не обосновывает, почему нужно считать, что статья 92 Конституции непосредственно защищает право заявить отвод.

10. Заявитель считает, что оспариваемая норма не соответствует также статье 1 Конституции. Для обоснования своего мнения он не дал аргументов, а только указал, что „статья 92 тесно перекликается с закрепленным в статье 92 принципом демократии и вытекающего из него всеобщего принципа справедливого суда”. И при высказывании мнения по материалам дела Заявитель не дал дополнительного юридического обоснования.

Таким образом, ни конституционная жалоба, ни также высказанное после ознакомления с материалами дела мнение не дали Конституционному суду достаточного юридического обоснования, чтобы оценить соответствие оспариваемой нормы статье 1 Конституции.

П о с т а н о в л я ю щ а я ч а с т ь

На основании статей 30 – 32 закона О Конституционном суде, Конституционный суд

п о с т а н о в и л :

признать часть третью статьи 21 Гражданского процессуального закона соответствующей статье 92 Конституции Латвийской Республики.

Решение окончательное и не подлежит обжалованию.

Решение вступает в силу со дня его опубликования.

Председатель судебного заседания Айварс Эндзиньш